НАЦ БЕСТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ВАДИМ КОЖИНОВ

ВИКТОР КОЖЕМЯКО

УРОКИ РУССКОГО

РОКОВЫЕ СИЛЫ

Вадим Валерианович Кожинов
Виктор Стефанович Кожемяко
Уроки русского. Роковые силы
Серия «Национальный бестселлер»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373183
Уроки русского. Роковые силы.: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-6994-6920-8

Аннотация

Имя Вадима Валериановича Кожинова (1930–2001) уже давно стоит в ряду таких выдающихся русских мыслителей, как Иван Ильин, Василий Розанов, Михаил Меньшиков… Его книги продолжают притягивать тысячи и тысячи читателей, мысли философа о судьбе и истории России по-прежнему предельно злободневны. В диалогах с известным публицистом Виктором Кожемяко откроется во многом неизвестный Кожинов, который, безусловно, обладал пророческим даром. В новом XXI веке ему суждено было прожить всего несколько дней, но он успел оставить свое завещание наступившему столетию: «Если говорить о грядущем веке, наша жизнь зависит, прежде всего, от того, будет ли коренным образом изменен курс, которым страна следовала в течение последнего десятилетия». Коренным образом этот курс

так и не изменен. Эта книга о русском пути и неотвратимом роке, который, как дамоклов меч, столетия преследует Россию.

Содержание

Приглашение к интереснейшему собеседнику 7
Глава первая. Прошлое остается с нами 13
«Это бесплодное дело – пытаться перечеркнуть историю» 13
«Патриотическая идея социализму не противостоит» 26
Глава вторая. Исторические тайны и современный взгляд 39
Необоримость Руси 39
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Вадим Кожинов, Виктор Кожемяко Уроки русского. Роковые силы

©Кожемяко В.С., 2011
©ООО «Алгоритм-Издат», 2011
©ООО «Издательство Эксмо», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

> *Я бы сказал, что Россия – страна идеократическая, то есть она основана на власти идеи… Я убежден, что именно в силу этой огромной власти идеи Россия подчас совершала неслыханные дела. Достаточно вспомнить факты, которые общеизвестны, но, по-моему, не вполне осмыслены. Вот на протяжении того тысячелетия, которое существует Россия – ну, если точнее говорить, 1200 лет, – было три попытки завоевания*

мира, порабощения его мощными, сильными завоевателями. Это монгольское нашествие, которое должно было покорить именно весь мир, как сформулировал не без блеска Чингисхан: «Нам принадлежит все, куда только могут доскакать копыта монгольских коней». Это Наполеон. Это, наконец, Гитлер. И никто не может спорить с тем, что все эти три гигантские попытки завоевания мира потерпели крах не где-нибудь, а в России…»

Вадим Кожинов

(Из беседы с Виктором Кожемяко, февраль 1998 года)

Если говорить о грядущем веке, наша жизнь зависит, прежде всего, от того, будет ли коренным образом изменен курс, которым страна следовала в течение последнего десятилетия.

Вадим Кожинов

(Из завещательного ответа на вопрос Виктора Кожемяко «Что век грядущий нам готовит?», январь 2001 года)

Приглашение к интереснейшему собеседнику

Да, я приглашаю всех, кто возьмет в руки эту книгу, к необыкновенно замечательному человеку, который стал в свое время для меня интереснейшим собеседником и, уверен, станет таковым для каждого, кому предстоит прочитать те наши беседы сегодня.

Надо ли представлять, кем он был, Вадим Валерианович Кожинов, и что значат его труды, его наследие, его личность для России, особенно в нынешнее время? На сей счет спорят во мне два мнения, то есть имеется сомнение, которое я сейчас поясню.

С одной стороны, за последние годы вышло много работ этого выдающегося историка и литератора (за что прежде всего надо благодарить издательство «Алгоритм»), и у читавших Кожинова поставленный мною вопрос, пожалуй, может вызвать даже усмешку. Действительно, им-то излишне представлять такую поистине мощную и по-настоящему знаменитую среди пестроты издающихся авторов фигуру. Но с другой стороны…

Конечно, если иметь в виду читавших и, следовательно, знающих Вадима Кожинова, это, безусловно, так. А если не знающих? И кого на сегодня больше?

Вот в аннотации к одному великолепному изданию 2004 года читаю: «Книги В. В. Кожинова (1930–2001), писателя, историка, знатока отечественной культуры, давно стали настольными для миллионов читателей. Выдающийся просветитель минувшего века, на чьих идеях возросло два поколения русской национально мыслящей интеллигенции…»

С этим, последним, утверждением сразу же соглашусь. Однако про миллионы читателей, для которых его книги будто бы стали настольными, да еще и давно, позволю себе все-таки усомниться. Даже после многочисленных изданий последнего пятнадцатилетия. Ведь тиражи теперь, увы, далеко не миллионные (скажем, у того великолепного издания, которое упомянуто, – всего полторы тысячи). Да и при разрушенной системе книгораспространения до многих мест нашей все еще великой по территории страны эти книги, наверное, просто не дошли. А если учесть, что по телевидению, остающемуся главным источником информации, ни об этих книгах, ни об их авторе не говорится, вынужден предположить: к сожалению, не читавших Кожинова и даже не слышавших, кто это такой, у нас пока, видимо, гораздо больше.

Адресуясь к тем из них, кому данная книга так или иначе встретится, хочу заверить, что высказанные выше определения ее героя нисколько не преувеличены. В самом деле выдающийся и замечательный, он был одновременно просветитель, писатель, литературовед, публицист, знаток оте-

чественной культуры, историк, или, точнее, философ истории (историософ, как сам себя называл)… А главное, что для читателя особо важно, – во всех этих ипостасях он был необыкновенно интересен! Был и остается, в чем, не сомневаюсь, каждый или уж наверняка абсолютное большинство согласится со мной, прочитав эту книгу.

В последнем ее разделе я пытаюсь более обстоятельно сказать свое слово о «феномене Кожинова», воспроизвести живые подробности наших встреч, осмыслить некоторые, на мой взгляд, особенно злободневные его рассуждения. Огромный масштаб сделанного им теперь очевиден. Однако я знаю, что для читателей, даже хорошо знакомых с его книгами, Кожинов еще далеко не исчерпан. И наряду со статьями, разбросанными в периодических изданиях, много интересного содержат опубликованные в разное время его беседы с представителями этих изданий.

У меня таких бесед состоялось больше, чем у кого-либо другого, – это счастье послала журналистская судьба. Самые последние, завещательные свои слова (они полностью приводятся в заключительной главе книги) Вадим Валерианович тоже продиктовал мне – за несколько дней до смерти, и этот его ответ на вопрос «Что век грядущий нам готовит?» был опубликован в номере «Правды» от 4–9 января 2001 года.

Я разговаривал с ним несколько лет подряд, представляя газеты «Правда» и «Советская Россия». По своему опыту

убежденно скажу: Вадим Валерианович любил жанр беседы. Любил, думаю, потому, что у него был для того особый дар. Даже не только талантливо рассказывать о своих мыслях, но размышлять вслух, когда по ходу разговора, подогреваемые и заостряемые журналистскими вопросами, вдруг рождались у него новые мысли, уточнялось ранее продуманное и в результате взгляд на проблему обретал дополнительную глубину.

Не раз был я свидетелем такого поистине творческого процесса, происходившего буквально у меня на глазах, а подчас – в споре между нами, потому что далеко не во всем мы бывали согласны, и всегда ощущал, какое удовлетворение испытывает мой собеседник. Про собственное удовлетворение и свою радость, наверное, излишне говорить. Но важнее всего другое. Важно сегодня признать, что по прошествии времени те беседы не утратили ни своей свежести, ни актуальности, ни содержащейся в них самостоятельной значимости.

То есть это не были материалы-однодневки и это не просто комментарий к изложенному в его книгах по русской истории. Самодовлеющий вес большинства выступлений Вадима Кожинова в «разговорном жанре» у меня не вызывает сомнений. Да ведь здесь вы встретитесь и с темами, до которых в прижизненных книгах он либо вообще не дошел, либо коснулся их только вскользь. Такова, например, тема соотношения социализма и патриотизма, или попытка обобщить

свои размышления о том, что такое есть Солженицын, или взгляд через призму истории на ряд горячих современных событий…

Как исследователь он постоянно искал ответы на самые сложные вопросы, будь то наша история либо современность. Повторял, что без понимания истории не понять глубоко ни сегодняшнего, ни завтрашнего дня: анализируя прошлое, все время думал о нашей теперешней жизни и о будущем. А его повышенное внимание к тайнам и загадкам былого, то есть к тем страницам отечественного прошлого, которые до сих пор вызывают наибольшие противоречия и споры, диктовалось его страстным стремлением вникнуть именно в то, что остается не вполне ясным, и по-своему, по-кожиновски объяснить – для современников и для будущих поколений.

Ему по душе было, если в собеседнике встречал такой же интерес к этим сложным проблемам. Мало того, словно ждал еще большего усложнения через задаваемые мною вопросы, через тот самый спор, чтобы внимательно распутывать и распутывать завязанные историей крепкие узлы.

«Дорогой Виктор Стефанович! Очень рад нашему давнему сотрудничеству и, глубже, содружеству!» Так напишет он 22 июля 1999 года, вручая мне только что вышедшую в «Алгоритме» основную свою книгу «Россия. век XX».

Наше сотрудничество и содружество осталось в беседах, которые, по собственному его признанию, он выделял изо

всех. И я предлагаю теперь эти беседы читательскому вниманию потому, что Вадим Валерианович сам хотел видеть их собранными в книгу, выражая надежду на встречный интерес.

А эти строки пишу в августе 2010-го. 5 июля было отмечено 80-летие со дня его рождения. В январе 2011 года исполняется 10 лет, как он физически ушел из земной жизни. Пусть новая книга – его и о нем – станет памятным знаком двух этих дат. Знаком того, что в России свято помнят великого ее патриота – Вадима Валериановича Кожинова.

Виктор Кожемяко

Глава первая. Прошлое остается с нами

«Это бесплодное дело – пытаться перечеркнуть историю»

Виктор КОЖЕМЯКО. Вадим Валерианович, начну вот с чего. Недавно в издательстве «Роман-газета» вышел очень интересный двухтомник под названном «…Из русской думы». И сразу несколько обстоятельств заставили меня вспомнить о вас, когда я знакомился с этим изданием. Мне известно, что вы были старшим другом и как бы наставником составителя книги – талантливого художника Юрия Селиверстова, безвременно умершего. А посвящена книга вашему учителю, выдающемуся мыслителю России Михаилу Михайловичу Бахтину. Но вот главное, о чем я думал, читая этот своеобразный свод отечественной мысли, и о чем хочется спросить вас: что из русской думы прошлого вы считаете наиболее актуальным, злободневным для нашей страны сегодня, в это труднейшее и, как любил говорить один известный деятель, поистине судьбоносное время? Что, на ваш взгляд, особенно важно учесть нам, определяя дорогу в завтрашний день?

Вадим КОЖИНОВ. Чрезвычайно важным, конечно, становится сегодня вопрос о нашем общественном устройстве. И я с полной убежденностью могу сказать, даже целый трактат написать на эту тему, что основное движение русской мысли в наиболее глубоких ее проявлениях шло вот в каком направлении: впереди так или иначе будет то, что называется социализмом.

Очень многие до сих пор уверены, что эту мысль проповедовали у нас лишь такие люди, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Герцен. Однако это не совсем так или даже совсем не так, о чем я кратко уже сказал в первом номере журнала «Наш современник» за этот год.

Например, возьмем Чаадаева, который, я считаю, неверно понят и которого называют западником, хотя, строго говоря, он таковым не является (в нем, как и в Пушкине, были та полнота и цельность, которые поднимают его над последующими фигурами, когда уже произошел, собственно, этот раскол на западников и славянофилов). Так вот, Чаадаев еще в 40-х годах прошлого века дал такую формулу: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники».

А если перенестись почти на сто лет вперед, примерно ту же мысль можно найти у Бердяева, который утверждал: как бы там ни спорили, что бы ни доказывали, а социализм ближе христианству, чем капитализм. Он был человек очень переменчивый, неустойчивый, Бердяев, однако эта мысль у

него постоянно присутствовала.

Вик. К. К Бердяеву, да и к Чаадаеву, вы же знаете, отношение сложное, поэтому ссылки на них кого-то могут и не убедить.

Вад. К. Я ссылаюсь на них для того, чтобы показать, какой широкий круг самых крупных русских мыслителей думал в этом направлении. Причем все время – более полутора веков. Незадолго до смерти, фактически уже в наши дни, сказал об этом и Алексей Федорович Лосев: человечество совершенно неизбежно идет от индивидуализма к коллективизму. А ведь не надо забывать, что Лосев несколько лет провел в ГУЛАГе…

Пожалуй, можно назвать только трех крупнейших русских мыслителей, которые не говорили так о социализме: Аполлон Григорьев, Достоевский и Розанов. Причем я это объяснил бы тем, что все трое были люди с колоссальным, невероятным развитием личностного начала. И вот это не позволяло им признать, что должна установиться в конце концов общественная собственность, что общество должно определять нашу жизнь. Все же остальные…

Ну вот славянофилы – они ведь все были социалисты. Они критически относились к западному социализму, но это и понятно при их критическом отношении к Западу вообще. Чрезмерно критическом, что тоже, впрочем, понятно: реакция на чрезмерное копирование у нас западной мысли. Ну а дальше? Сергей Булгаков, Павел Флоренский… Они же пря-

мо говорили о социализме как некоем идеале и будущем России – конечно, не в тех чудовищных проявлениях, которые им самим довелось пережить.

Или такой мыслитель, которого у нас иначе не называли как реакционер, – Константин Леонтьев. И он совершенно прямо говорил о неотвратимости социализма. Правда, человек удивительно трезвый и прозорливый, он говорил, что социализм вовсе не будет неким прекраснодушным обществом. Нет, считал, что будет жестким, даже жестоким. Но это потому, что человечество до такой степени эмансипировалось, распалось, разложилось, что без жестких мер вообще не обойтись. Вот любят повторять его фразу: «Россию надо подморозить, иначе она сгниет». Так он имел в виду не монархизмом «подморозить» или как-нибудь еще, а именно социализмом. У него тогда, в 80-е годы, была даже идея, что русская монархия сама придет к необходимости введения социализма. Утопическая, конечно, идея, но тем не менее характерная.

Вик. К. Для многих, прямо скажу, такой взгляд будет весьма неожиданным. Как же, по-вашему, все это объяснить?

Вад. К. В самом историческом развитии России многие наши мыслители видели предпосылки социализма. О Западе они говорили, что там индивидуализм дошел до таких пределов, что социализм невозможен. В России же – совсем другое дело. Общинное, соборное начало у нас жило всегда.

Отдаю себе отчет – разные люди отнесутся к этому по-раз-

ному, но утверждаю: говорить, будто русская мысль в наиболее глубоких проявлениях ее была против социализма (что приходится слышать сплошь и рядом), – это фальсификация.

Вик. К. Однако представление о социализме тоже ведь было разным.

Вад. К. Эти мыслители вовсе не считали, что социализм будет земным раем. Особенно, скажем, тот же Леонтьев. Но, с моей точки зрения, идея прогресса вообще ложная. Вот, дескать, люди будут жить все лучше, все прекраснее… В конце концов эта мысль противоречит общему представлению о мире. Мы же знаем, что есть закон сохранения энергии, закон сохранения вещества, то есть нельзя что-то прибавить, не убавив чего-то. Каждое приобретение оборачивается одновременно утратой.

Люди столько лет восхищались научно-техническим прогрессом. А сейчас? Оказались перед страшным результатом, страшной реальностью. На карту поставлено само существование человечества и даже Земли!

Вик. К. Леонид Максимович Леонов перед смертью говорил мне больше всего именно об этом. Его буквально мучила эта мысль: спасет ли себя человечество?

Вад. К. Да, такая вот плата… Человек от технического прогресса действительно вроде бы много получил. Представить только: приходилось рубить дрова, таскать воду, тратить время и силы на всякие другие вроде бы ничтожные де-

ла. А теперь и вода, и тепло доставляются в дом. Но… неизвестно, оказывается, что лучше, а что хуже.

На Рязанщине, в Мещере, я был в тех местах, где на острове отдыхали после полетов наши космонавты. И вот мне рассказывали, что они категорически запретили проводить к себе электричество, сами ловили рыбу и жарили ее на тагане – у них не было даже печки никакой. Интересная вещь! После пребывания в техническом вакууме у человека рождается жадное желание вернуться к первобытному образу жизни…

Короче, мне сегодня представляется ошибочным не то, что в нашей стране строился социализм, а то, что людям внушалось: будет земной рай.

Вик. К. Но если бы не было такой цели, может, и энтузиазма такого не было бы.

Вад. К. Согласен. Интереснейший и недооцененный, по-моему, наш мыслитель Лев Гумилев утверждал, что человечеством всегда движут иллюзии. Человек получает не то, к чему стремится. Но и не сознавая этого, в своем стремлении он проявляет героизм. Такова история, вся человеческая история – с древнейших времен.

И меня сейчас крайне возмущает, когда проклинают жизнь в нашей стране после 1917 года, исходя из такой посылки: недостаточно были сыты, не очень хорошо одеты и обуты…

Вик. К. Вот мы и подошли, Вадим Валерианович, еще к

одному вопросу, который мне очень хотелось вам задать. К оценке наших советских лет, которые действительно многие сейчас предают анафеме. Причем не только так называемые демократы, но и патриоты. Не скрою, с удовлетворением прочитал недавно в одной из ваших статей то, что мне очень созвучно: «К великому сожалению, есть партии, которые стоят на основе патриотизма, но как бы совершенно перечеркивают семьдесят пять послереволюционных лет в истории России. Это совершенно бесплодная вещь».

Как же отнестись к революции и к тому, что было после нее? Да и до нее – тоже. Стоит ли так уж идеализировать «Россию, которую мы потеряли»? Эти вопросы снова и снова встают перед нами. Именно вокруг них развертывается сегодня множество схваток и баталий, часто мешающих объединению людей, которым, казалось бы, одинаково дорога Россия.

Вад. К. Что касается революции, это очень сложный вопрос. Вопрос философский, даже религиозный. Время от времени любая страна переживает этот чудовищный катаклизм, когда ставится задача убить предшествующее общество. И только невежество, незнание фактов приводят к тому, что действительно невероятные жертвы, разрушения, страдания, которые выпали на долю наших людей, особенно в первые годы революции и Гражданской войны, рассматриваются как некое уникальное, исключительное явление, свойственное только России. На этой почве даже русофобия

рождается. Между тем, если человек потрудится как следует узнать историю Французской революции, он обязательно придет к выводу, что она была ничуть не менее жестокой и страшной.

Приведу такую цифру. По самым точным подсчетам, Франция потеряла тогда 4 миллиона человек. Если перевести в масштаб России, население которой было в семь раз больше, то получится почти 30 миллионов. А это больше, чем погибло у нас.

Могу сослаться на демографический анализ периода 1918–1953 годов, который содержится в моей статье, опубликованной в девятом номере журнала «Наш современник» за прошлый год. На основе неопровержимых данных я показываю, что в 1918–1922 годах погибло около 20 миллионов человек.

Кстати, если взять время с 1934 по 1938 год, то есть пик так называемых сталинских репрессий, потери здесь в 30 раз меньше. И это не потому, что Сталин был менее жесток (обычно по такому поводу говорят: «Оправдывает Сталина»). Нет, просто революция как бы исчерпала свою энергию.

Сначала у нас говорили о Сталине, что он такой вот палач. Теперь то же самое – о Ленине. Но говорящие так находятся по существу во власти прежних поверхностных представлений о роли личности в истории, когда все наши исторические победы и достижения приписывались вождю. А теперь

на вождей сваливают все жертвы. Дело, однако, не в Ленине и не в Сталине. Дело в революции, в ее неумолимой логике.

Вик. К. Вы рассматриваете Революцию как величайшую трагедию… Наверное, потому, вслед за особо почитаемым и любимым вами Тютчевым, и слово это пишете всегда с большой буквы?

Вад. К. Да. И если говорят об ужасных жертвах того периода, я отвечаю, что это та трагедия, без которой история человечества невозможна. Что поделаешь, все бытие человеческое чревато трагедией. А во время революций, этих мощнейших катаклизмов, обнажается какая-то суть человеческого бытия.

То, что жизнь человека, даже отдельного человека, есть трагедия, ясно уже из того, что он умрет, и главное – он знает, что умрет. Единственное живое существо, которое это знает! Сейчас, когда многие у нас заговорили о религии, стоит подчеркнуть, что в любой религии человеческое бытие осознается именно как трагическое. В этом высокий смысл религиозного сознания. Потому, когда один очень известный наш человек на вопрос о том, что он чувствует в церкви, отвечает: «Я там испытываю чувство комфорта», – это звучит как нелепость.

Другое дело, что религия учит: поскольку трагедия – это истинное бытие человека, не надо от этого приходить в отчаяние. Это, если хотите, высокий удел. И таков удел Христа был – он тоже пережил трагедию…

Итак, в 1937 году, можно сказать, был последний сильный всплеск революции. Это, кстати, закон всех революций, что жертвами становятся в конце концов те, кто их совершал.

Вик. К. Революция пожирает своих детей.

Вад. К. Именно. Такова жестокая закономерность… Потом, правда, что-то еще продолжается по инерции. Сила инерции велика не только в природе, но и в обществе. Можно привести множество примеров: если в истории начинается движение в каком-то направлении, его нельзя свернуть с дороги.

Ну один пример хотя бы. Николай Второй еще до мировой войны отдал приказ о всеобщей мобилизации. В ответ на акции Германии и Австро-Венгрии. А потом он испугался и решил эту мобилизацию отменить. Но в ответ один за другим стали звонить ему военачальники: «Ваше Величество, это невозможно сделать. Массы людей уже двинулись, и, если попытаться их остановить, будет полный хаос, мы полностью проиграем».

Или еще. Принято говорить, что известную статью «Головокружение от успехов» Сталин написал как бы для того, чтобы отмыться, увидев, к каким страшным последствиям ведет коллективизация: смотрите, дескать, я против. А по моему убеждению (и в последнее время появились аналогичные исследования на эту тему, причем не каких-то там сталинистов), Сталин был действительно напуган тем оборотом, который коллективизация приняла. Но он ничего уже не

мог сделать. Потому что миллионы уже сдвинулись: поднялась беднота, вовсю шло раскулачивание, где-то пролилась кровь, и так далее. Остановить это было уже невозможно.

Вик. К. Возвращаясь к параллели с Французской революцией, можно вспомнить, что она тоже уничтожила главу государства – монарха.

Вад. К. Так делает любая революция. Хотя мера эта, может быть, символическая, но она много значит: раз уничтожается человек, на которого молились, значит, падают и остальные запреты. Значит, все дозволено! Французская революция вовсе не была социалистической, но она поступила точно так же.

Вик. К. И день начала ее уже много лет отмечается во Франции как праздник.

Вад. К. Как самый большой государственный праздник. Это – великое торжество народа! А мы? Мы сейчас проклинаем. Все проклинают – и демократы, и патриоты. Я считаю это проявлением русского (или российского) экстремизма.

Никто же не может отрицать, что современное французское общество основано на крови и костях людей, которые погибли во время Великой французской революции. Это факт, который никак нельзя отменить. И вот меня поразило заявление Александра Исаевича Солженицына, кстати, мной уважаемого, когда он приехал в места Вандеи – острова крестьянского сопротивления Французской революции, где погибло от полумиллиона до миллиона крестьян. Остановив-

шись около памятника этим крестьянам, Солженицын говорит: вот и у нас во время революции погибли крестьяне, было Тамбовское восстание, поэтому… надо покончить с коммунизмом.

Но при чем же тут коммунизм? Он говорил это в стране, где не было никакой коммунистической революции, но в стране, которая вместе с тем, как я уже сказал, построена на крови и костях тех же вандейских крестьян.

Вик. К. Раньше у нас красные были только героями, а белые – только злодеями. Сегодня все представляется с точностью до наоборот…

Вад. К. И в этом есть своя неправда. Вообще, господствующее сегодня стремление изображать революционные события только как расправу всесильных большевистских палачей над беспомощными и ни в чем не повинными жертвами плохо не только потому, что часто не соответствует действительности. Еще хуже другое: при подобном истолковании в сущности принижается и обессмысливается вся история России эпохи Революции. Ибо коллизия «палачи и жертвы», конечно, крайне прискорбная коллизия, но отнюдь не трагическая, если иметь в виду истинный, высокий смысл слова. Подлинная трагедия (как в истории, так и в искусстве) есть смертельное противоборство таких сил, каждая из которых по-своему виновна (в данном случае речь идет о глубоком понятии «трагическая вина») и по-своему права.

Вик. К. В двухтомнике «…Из русской думы» я обратил

внимание на мысль Аполлона Григорьева, высказанную в середине прошлого века о времени после реформы Петра. Он пишет: если бы далее спали мы в продолжение более полутораста лет, мы, спавши, все-таки видели сны, примеривали себя к грезившимся нам идеалам, развивали наши духовные силы и возможности в борьбе хотя бы и с призраками и, стало быть, просыпаемся не теми, какими легли. А ведь мы в продолжение более семидесяти лет после 1917-го не спали…

Вад. К. Мне кажется, что в каком-то смысле мы должны сегодня соединить ту идею, которая предшествовала революции, с той идеей, которая была после нее.

Вик. К. Давайте в следующий раз продолжим разговор об этом.

Март 1996 г.

«Патриотическая идея социализму не противостоит»

Вик. К. В прошлый раз, Вадим Валерианович, вы отметили, что русская мысль давно и постоянно предсказывала социализм как будущее России. У нас был социализм, который теперь называют то казарменным, то воплощением тоталитаризма, а то даже фашизмом. Однако и после свержения советского строя социалистическая идея не умерла. Вполне определенно, например, выдвигает ее Коммунистическая партия Российской Федерации. А многие люди, как говорится, на себе убедились в ряде безусловных преимуществ прежнего нашего жизнеустройства перед нынешним. Хотя что-то вызывает и не очень приятные ассоциации. Что прежде всего напоминают людям, стараясь отвратить от социалистического пути? Чем угрожают? Возвратом ГУЛАГа. Массовыми расстрелами, заключениями, пытками…

Вад. К. Тут опять невероятная фальсификация. Простите, но за тридцать последних советских лет у нас не было ни одной политической казни. Если же говорить о политических репрессиях, уверяю вас: их было ничуть не больше, чем в США. Никакого миллионного ГУЛАГа давно не существовало! С тех пор, как были реабилитированы люди в 1953–1956 годах.

Все последние годы у нас в этом смысле была нормальная

жизнь, и, по-моему, нелепо предполагать, что возврат к социализму (в той или иной форме) обязательно должен перескочить все то, уже стабилизировавшееся, общество, а мы опять начнем историю сначала.

Знаете, почему еще это исключено? Тогда, в двадцатые – тридцатые годы, людьми двигал неслыханный фанатизм. Были миллионы людей, которые абсолютно верили в правоту беспощадного террора. Возьмем такого человека – все, думаю, относятся к нему с уважением и даже любовью, – Александр Твардовский. Он же был самый настоящий сталинист! Когда отец раскулаченный прибежал к нему с младшим его братом из Сибири и стал говорить: «Вот мы там погибаем», он ответил: единственное, что я могу для вас сделать, это бесплатно отправить вас обратно. И отец убежал от него, чтобы он не сдал его в ГПУ. Это же потрясающе!

Кстати, когда уже назрело разоблачение культа личности, Твардовский опубликовал в 1954 году очередной отрывок из новой поэмы «За далью – даль», где он воспел Сталина.

И пусть тех лет минувших память
Запечатлела нам черты
Его нелегкой временами,
Крутой и властной правоты.

Всего иного, может, боле
Была нам в жизни дорога
Та правота его и воля,

Когда под танками врага
Земля родимая гудела…

Почему я привожу эти факты? Они, по-моему, достаточно убедительно свидетельствуют, как глубока была убежденность в своей правоте у тех людей.

Вик. К. А к приспособленчеству нельзя это отнести? Или к чувству страха?

Вад. К. Что вы! Сталин ведь умер уже…

Вик. К. Я о другом – скажем, об эпизоде с отцом и братом.

Вад. К. Ни в коей мере! Сейчас опубликованы дневники Твардовского, интимные дневники, из которых видно, как глубоко верил он во все, что делалось.

Вик. К. Да, я припоминаю: кто-то в мемуарах удивлялся, что в спальне у Твардовского висел портрет Сталина, и это, конечно, о многом говорит.

Вад. К. А вспомните «Страну Муравию». Он не скрывал страданий и бед, которые выпали на долю крестьянства, и тем не менее писал: «И надо всей страной – рука, зовущая вперед…»

Я уверен: сейчас никакой ГУЛАГ невозможен хотя бы потому, что нет у нас такого фанатизма миллионов или по крайней мере сотен тысяч активнейших людей. Все могло быть только при таком условии. Иначе невозможно. Иначе люди просто сразу остановятся. В общем, у нас сегодня совсем другое в массовом сознании.

Вик. К. Однако, изо всех сил стремясь не допустить победы на выборах Зюганова, прихода коммунистов к власти, людей пугают сегодня именно ГУЛАГом.

Вад. К. Я с возможностью такого варианта категорически не согласен. И не потому, что исхожу из личностей тех людей, которые стоят во главе обновленной Коммунистической партии. Я считаю, у нас вообще (это пошло еще со сталинских времен) крайне преувеличивают роль личностей. Между тем, если внимательно рассмотреть историю человечества, можно увидеть, что роль личностей все время снижается. Это не моя мысль. Ее можно найти у всех наиболее крупных философов XX века.

Так что дело не в личности. Дело в общей ситуации, наличествующей у нас. Прежнее невозможно.

Нет, конечно, я не исключаю каких-то инцидентов, допускаю, что будет сопротивление какое-то. Вот говорят: как же так – поделили собственность, а теперь делить ее обратно.

Вик. К. Правильно, это сейчас как бы один из главных козырей против коммунистов и один из самых распространенных пропагандистских жупелов.

Вад. К. Получается так. Люди бегут за вором, и вдруг кто-то кричит: «Братцы, он же сопротивляться будет! Пускай уж лучше убежит!»

Нелепо, дико. Всем же ясно, что состоявшийся передел собственности был абсолютно несправедливым и незаконным. Немотивированным. Просто: «Хватай кто может!»

А теперь оказывается, что бороться с этим никак нельзя. Почему? Конечно, бороться надо очень разумно. Однако такой факт, что гигантские капиталы вывезены за границу, разве не требует каких-то мер?

Нам все время твердят: Запад будет нас инвестировать. Да пока мы его инвестируем! Наши деньги, поступающие в иностранные банки, работают на их экономику. Это же чудовищно! В кредит, в кредит под проценты унизительно выпрашивают каких-то несколько миллиардов долларов, а тем временем десятки наших миллиардов находятся там.

Одного этого, по-моему, достаточно, чтобы понять: власть, допустившая и допускающая такое, не имеет права на существование. Ведь в любой стране с этим была бы непримиримая борьба. Потому что это есть настоящее предательство. Измена Родине. Деньги, полученные от соков родной земли, сплавляются за ее пределы, поскольку отдельным (подчеркиваю – отдельным!) персонам это выгодно.

Какие могут быть массовые репрессии, если речь идет о нескольких тысячах воров.

Вик. К. Их в первую очередь вы относите к ратоборцам существующего положения вещей?

Вад. К. Разумеется. Да всех тех, кого устраивает хаотическое состояние нашей экономики и политики, позволяющее в мутной воде ловить рыбу. Много ли их? Нет.

Вик. К. Так что же, на ваш взгляд, может произойти в результате возвращения к власти Коммунистической партии?

Вад. К. Начнем с того, что во всех бывших социалистических странах, за исключением Чехии и ГДР, которая оказалась поглощенной ФРГ, так или иначе уже вернулись к власти коммунисты. Говорят: они изменились. Что ж, я считаю, и люди, пришедшие к руководству в Коммунистической партии у нас, тоже колоссальным образом изменились. Хотя бы потому, что они перешли на патриотическую платформу. Теперь они уже не рассматривают Россию как материал для чего-то. А ведь это продолжалось, к сожалению, до последнего времени…

Не думаю, что речь пойдет и о каком-то реванше. Совершенно же неверно, что сопротивление так называемому курсу реформ, которое было и есть, оно ради реванша, ради возвращения привилегий бывшей номенклатуре. Я уже говорил недавно по телевидению, что люди, возглавившие сопротивление в «Белом доме» в 1993 году, не имели раньше тех привилегий, которые имели их противники.

Вик. К. Вы сказали, что коммунисты, на ваш взгляд, перешли сегодня на патриотическую платформу. Но разве раньше они не были патриотами? В отличие от вас я был членом КПСС, но всегда считал себя патриотом. И в программных установках партии, наряду с пролетарским интернационализмом (это слово, насколько я понимаю, вы не очень любите), всегда значился советский патриотизм. Да, советский, а не русский, чему, как я считаю, было серьезное объяснение в многонациональном характере нашей страны. Однако

мне, например, это нисколько не мешало чувствовать себя русским. И я не могу вполне разделить пафос тех, кто заявляет сегодня: «Были советскими, стали россиянами – когда же будем русскими?»

Вад. К. Это вопрос очень большой и очень многогранный. Но все же подчеркну: то, что сегодня одним из первых пунктов программы обновленной Коммунистической партии стала патриотическая идея, в моем представлении означает колоссальный поворот. Он намечался, кстати, давно, еще в тридцатые годы, но в силу исторической инерции никогда не доходил до конца.

Я не согласен с теми, кто выдает сегодня Сталина за беззаветного русского патриота. Я не могу, скажем, простить ему, что в 1946 году, когда в стране был страшный голод, он бросал огромное количество хлеба в Германию, чтобы подкупить немцев. Есть, конечно, понятие политической целесообразности, но настоящий патриот, по-моему, так поступить все же не мог.

Говорят, в Сталине заложен был патриотизм. Опять не согласен. Нет, это жизнь его заставляла: таково было движение страны, поперек которого он встать не мог. Он был достаточно чуткий человек и потому понимал, чего требует жизнь. И потому уже в тридцатые годы стал возрождать русскую воинскую славу и делать много чего еще, что страшно возмущало старую партийную гвардию.

Но при всем при том не считаю, что Сталин был таким

уж глубоким русским патриотом. Вот у Тютчева есть замечательное стихотворение о Наполеоне:

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе…
Не одолел ее твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе…

Сталин тоже вступил в конфликт с революцией, но… он тоже «всю ее носил в себе». И победить поэтому не мог.

Вик. К. В чем же вы это видите?

Вад. К. Сейчас установлено, например, что послевоенное «ленинградское дело» было замешено на русском национализме. Ленинградская интеллигенция и партийные работники во время войны действительно прониклись русской патриотической идеей, и Сталин этого испугался. Нынче говорят, что он боролся тогда с сионистской опасностью («дело Еврейского антифашистского комитета», «критики-космополиты» и т. д.). Но одновременно он бил и по русским патриотам.

Или вот еще. Вспоминают действительно безобразное «дело врачей-отравителей», но совсем забыто, что до этого был арестован и чуть не погиб такой замечательный, всемирно прославленный хирург, как Сергей Сергеевич Юдин. Его обвиняли в русском национализме и, в частности, в пропаганде православия – он был глубоко верующим человеком.

Вик. К. Это тот Юдин, портрет которого Нестеров написал?

Вад. К. Да, гениальный хирург. И русский патриот. Лев Николаевич Гумилев был посажен в это же время. А он, конечно, тоже был русским патриотом. Так что, когда сегодня пытаются изобразить, будто Сталин всецело одобрял и поддерживал русский патриотизм, это не соответствует действительности.

Конечно, он сразу понял, что в войне без патриотизма не победить. Поразительны его слова, высказанные американскому послу Гарриману, который приводит их в своих воспоминаниях. Сталин сказал, может быть, даже с некоторым цинизмом, о героически сражавшихся наших войсках (это было как раз после битвы под Москвой): «Вы думаете, они воюют за нас? Они воюют за матушку-Русь». Ну и пусть, мол, воюют…

Я убежден, что в России Сталин никогда не будет оправдан до такой степени, как во Франции оправдан Наполеон, ставший там величайшим представителем нации. Потому что у нас преобладает все-таки нравственный подход, этическая оценка любого исторического деятеля.

Вик. К. Не слишком ли мы задержались на Сталине?

Вад. К. Моя мысль состоит в том, что идея патриотизма, которая давно, еще с тридцатых годов, назревала у наших коммунистов как государственная, все время отступала, а между тем по инерции сохранялась идея мировой ре-

волюции. Россия и русский народ, увы, рассматривались как некий материал для нее. А тот, кто заявлял и начинал отстаивать патриотическую идею, получал отпор.

Можно вспомнить знаменитую погромную статью нашего великого либерала Яковлева, появившуюся в 1972 году в «Литературной газете». После нее меня, например, два года совсем не печатали, а книгу выбросили из плана, и она вышла только через шесть лет.

А в 1980 году я испытал чувство невероятного стыда, когда 600-летие Куликовской битвы было объявлено… делом Тульской области. Между тем это ведь было в полном смысле судьбоносное для нашей Родины событие, до сих пор до конца не разгаданное. В статье, над которой я работал шестнадцать лет и которая должна выйти в журнале «Российская провинция», я доказываю, что это была битва не только и не столько с татаро-монголами. За спиной Мамая стояли итальянцы, генуэзцы, а за ними – Римское папство. Недавно заведующий кафедрой всеобщей истории МГУ Карпов, работая в итальянских архивах, нашел договор, который Мамай заключил с генуэзцами. Перед Куликовской битвой! И такое всемирно-историческое событие у нас объявлялось имеющим областное значение…

Вик. К. Для народа Куликовская битва, по-моему, никогда своего значения не утрачивала. А решения, которые принимались наверху, могли быть продиктованы разными политическими соображениями…

Вад. К. Был, например, такой член Политбюро Воронов. Я совершенно точно знаю: он «неудачно» выступил по новосибирскому телевидению, заявив, что русский народ находится в небрежении. И сразу оказался не у дел.

Подобных примеров можно привести много. Интересно, что даже такой человек, как Солженицын, в своем «Письме вождям» писал: я знаю, на самых высших постах находятся русские люди, которые исполнят свой сыновний долг. То есть хотя он ненавидел все это, но допускал такой вариант.

По моему мнению, сейчас во главе обновленной Коммунистической партии стоят как раз такие люди, которые готовы исполнить этот сыновний долг перед родной страной. Их движение к тому, чтобы страна стояла на патриотизме (на чем, кстати, стоит любая страна), вселяет надежды. Ведь можно испытать лишь чувство стыда за себя и по-хорошему позавидовать той же Америке, где каждый человек, ну, может, за исключением каких-то деклассированных элементов, – абсолютный патриот. С благоговением смотрят на флаг своей страны, все знают гимн и поют его при каждом удобном случае с огромным воодушевлением. И одобряют любое действие своего правительства, которое направлено на защиту национально-государственных интересов, пусть даже ими прикрывается нечто другое.

У нас же постоянно идут споры вокруг национально-государственных интересов. Есть масса людей, которые вообще считают это понятие каким-то злом и безобразием. И есть

причины такого слабого духа патриотизма, о чем, собственно, я вам говорил. Ведь длительное время мы обращались к патриотизму лишь в самые крайние моменты – ну, скажем, когда уже немцы находились под Москвой, когда уже буквально все было поставлено на карту. Но это прискорбно, что, лишь когда вода доходит до горла, у людей пробуждается чувство Родины.

Вик. К. Итак, вас обнадеживает, что одним из основополагающих пунктов в программе КПРФ стал патриотизм?

Вад. К. Безусловно. Хватит относиться к России как к некоему материалу, который нужен для каких-то более высоких целей. Каких? Все-таки главной целью должна быть страна. Раз существует государство в своих границах, служение этой стране должно быть самостоятельным.

Вик. К. Патриотический курс партии коммунистов – одновременно и курс социалистический.

Вад. К. Я считаю, патриотическая идея не противостоит социализму, а укрепляет его. Крупнейшие русские мыслители предсказали социализм для России как неизбежность. И революция произошла – да, с невероятными жертвами. Но отрицать ее теперь на этом основании, пытаться отменить сделанное за 75 лет и вернуться к прежнему, дореволюционному обществу – это все равно что пытаться воскресить убитого человека.

Вик. К. Однако некоторые именно такую задачу и ставят.

Вад. К. Что ж, нереально, нелепо.

Вик. К. А почему, вы считаете, для нас неприемлемо копирование западной рыночной экономики?

Вад. К. Даже Гайдар, выпустивший недавно книжку с пародированным ленинским названием «Государство и эволюция», в самом начале ее пишет: да, коммунисты и патриоты правы – в большинстве стран с рыночной экономикой люди живут хуже, чем в России. Действительно, взгляните на мир, и вы убедитесь, что это так. Ведь, скажем, в Латинской Америке или Африке – тоже рыночная экономика…

Словом, такой подход весьма упрощенный. В экономике, как в некоем фокусе, сходится очень многое – от географического положения и климата страны до религии. Но это особая, чрезвычайно емкая тема. Если хотите, можем когда-нибудь об этом поговорить.

Вик. К. Большое спасибо, Вадим Валерианович.

Март 1996 г.

Глава вторая. Исторические тайны и современный взгляд

Необоримость Руси

Для чего нам нужно знать свою историю? Чтобы лучше понимать сегодняшний день и точнее предвидеть будущее.

Сейчас, когда завершается XX столетие, интерес к истории заметно вырос. Уроки века – тема многих исследований и статей. Но ведь кончается не только век, но и тысячелетие, в течение которого наше Отечество прошло большой, трудный и славный путь, возросло от юношества до зрелости.

Можно ли что-то новое для нас увидеть в далеких и, кажется, вдоль и поперек изученных веках? Оказывается, очень даже можно. И одно из ярких тому свидетельств – вышедшая недавно книга замечательного литературоведа Вадима Кожинова «История Руси и русского Слова. Современный взгляд».

Сам он подчеркивает именно это – взгляд СОВРЕМЕННЫЙ. Конечно же, о Руси IX–XVI веков написано немало. Однако наука не стоит на месте, за последние десятилетия появились интереснейшие исследования историков и взаи-

модействующих с ними археологов, этнографов, краеведов, филологов и т. д., которые в чем-то меняют устоявшийся взгляд на известные события прошлого. Ну и, конечно, много значит, когда об истории размышляет и пишет такой талантливый человек, как Вадим КОЖИНОВ.

Виктор КОЖЕМЯКО. Скажите, Вадим Валерианович, как получилось, что вы, известный литературовед, стали историком?

Вадим КОЖИНОВ. Да, в последние годы я занимаюсь в гораздо большей степени историей, чем собственно литературоведением. Поначалу это и для самого меня было неожиданностью, что я вдруг «провалился» в историю. Впрочем, замечу – в историю, которая порождает литературу. Часто говорят, что литература отражает историю. Мне кажется, история скорее порождает литературу как свой, если угодно, высший плод. И, признаться, я понял, что это меня всегда в высшей степени интересовало. И в какой-то момент захватило целиком. Я писал книгу о Тютчеве в 70-е годы. Когда я ее написал, вдруг увидел, что книга – на три четверти об истории, а не о литературе. Как-то само собой это получилось. Это было тогда не сознательное решение, а действительно как бы само собой произошло. И мне это кажется наиболее плодотворным.

Вик. К. Ну а такая фундаментальная книга «История Руси и русского Слова», как возник ее замысел?

Вад. К. Я считаю: думать о будущем можно, только обращаясь в прошлое. Это довольно простое соображение. Когда мы обращаемся в прошлое, причем чем глубже, тем лучше, мы как бы видим тот вектор, ту направленность, которая ведет к нашему времени. И только исходя из осознания, из выявления вот этого приходящего из веков вектора, можно правильно оценить происходящее в сегодняшнем дне и более или менее надежно предполагать, что будет в будущем.

Вик. К. Насколько я знаю, пятнадцать лет вы трудились над этой книгой. Проделана колоссальная работа, что видно уже по тому огромному перечню источников, на которые ссылаетесь. Я согласен с вами: любого человека, интересующегося историей, наверное, привлекает не только воссоздание прошлого как такового, но и то, что можно извлечь из пережитого для более глубокого, более верного понимания сегодняшнего и завтрашнего дня. Скажите, что вы извлекаете в первую очередь?

Вад. К. Скажу так. Сейчас люди деморализованы тем, что в стране такой страшный кризис, упадок, многим кажется, что она погибает… Я человек, далеко уже не молодой и не стану бодро говорить, что очень скоро все будет прекрасно, великолепно. Но, если исходить из уроков истории, если действительно всерьез изучить тысячелетнюю историю России, станет совершенно ясно: не раз уже Русь была как бы на краю гибели: и многие люди, я бы даже сказал – большинство людей, которые хоть как-то мыслили и рассуждали, приходили

к выводу, что все, страна кончилась… Так было и в период монгольского нашествия, так было и в Смутное время, так было и во время реформ Петра I, когда очень значительная часть народа считала, что пришел антихрист, настал апокалипсис, конец света. Так было, разумеется, и после 17-го года. Можно привести суждения очень серьезных, очень умных людей, которые прямо утверждали, что все гибнет, России пришел конец и никогда ее больше не будет.

Так вот: я попытался понять, почему, собственно, это происходило. Дело в том, что нет другого примера, если взять основные страны мира – хоть западные, хоть восточные, – нет примера вот таких неоднократных «полных крахов». Я очень серьезно над этим думал и пришел к определенному выводу.

Разумеется, всякого рода терминология имеет относительное значение, но, думаю, те термины, которые я предложу, имеют право на существование и что-то проясняют. Я бы сказал, что Россия – страна идеократическая, то есть она основана на власти идеи. В свою очередь страны Запада можно назвать, тоже используя древнегреческие корни, номократическими, от «nomos» – закон, то есть власть закона. А страны, допустим, Востока можно назвать этократическими, опять же от древнегреческого слова «ethos» – обычай, власть каких-то обычаев, которые действуют в течение тысячелетий.

Вик. К. Значит, эти понятия стали для вас своего рода раз-

граничительными?

Вад. К. А вы посудите сами. В России ведь, прямо надо сказать, с законами дело обстояло всегда не так, как на Западе. Хотя есть люди, которые только и думают, что вот, когда у нас будут такие же законы, как на Западе, такая же законность, тогда, мол, все будет хорошо. И, кстати, обычаи тоже – приходится признать, что у нас нет такого твердого, неукоснительного следования людей каким-то обычаям, складывавшимся веками, как, скажем, в азиатских странах.

Вик. К. Так что же такое в вашем понимании идеократическая страна? Если конкретнее раскрыть это…

Вад. К. Вне всякого сомнения, страна, которая, условно выражаясь, держится на идее, это рискованная страна. И вот этот риск, на мой взгляд, ясно выразился в тех беспрецедентных крахах, развалах, которые наша Родина неоднократно переживала.

В то же время я убежден, что именно в силу этой огромной власти идеи Россия подчас совершала неслыханные дела. Достаточно вспомнить факты, которые общеизвестны, но, по-моему, до сих пор не вполне осмыслены.

Вот на протяжении того тысячелетия, которое существует Россия – ну, если точнее говорить, 1200 лет, – было три попытки завоевания мира, порабощения его мощными, сильными завоевателями. Это монгольское нашествие, которое должно было покорить именно весь мир, как сформулировал, не без блеска, Чингисхан: «Нам принадлежит все, куда

только могут доскакать копыта монгольских коней». Это Наполеон. Это, наконец, Гитлер. И никто не может спорить с тем, что все эти три гигантские попытки завоевания мира потерпели крах не где-нибудь, а в России, в той самой России, которая, как сказал Некрасов, и могучая, и бессильная. Вот в какие-то моменты становится необыкновенно сильной!

Вик. К. Действительно, трудно спорить. Факты есть факты, и они требуют всестороннего осмысления.

Вад. К. Глубоко убежден: как раз то, что можно назвать идеократической природой России, и дало ей такую необоримую силу.

Есть, правда, совершенно ложные, фальсификаторские суждения. Ну, допустим, такие, что Наполеона погубили русские пространства и русский мороз. Эта концепция была выдвинута потерпевшими крах наполеоновскими вояками в свое время и, как ни дико, существует до сих пор. Но она существует только для тех, кто не знает реального хода войны.

Дело в том, что Наполеон, который, можно сказать, в Бородинском сражении не победил, но и не потерпел поражения, вошел в древнюю столицу России – это все так. Но прошло не так много времени, и 12 октября он оказался под Малоярославцем, где были сосредоточены русские войска и куда он шел, чтобы с этими войсками расправиться. Тем не менее там он потерпел полное поражение. И никакого мороза не было! Были еще относительно теплые дни в начале октября, в дневнике одного из ближайших сподвижни-

ков Наполеона показано, что только 3 ноября выпал первый снег. Более того, 2 ноября Наполеон сказал, – есть такая запись, запись человека, который слушал то, что ему говорил император, – он сказал, что вот нас все пугают, как малых детей, страшной русской зимой, а температура, говорит, не ниже, чем в Фонтенбло, то есть в его резиденции под Парижем. Только тогда, когда огромная армия Наполеона уже беспорядочно мчалась из России со скоростью 20 километров в день, – по тем временам, без всякой техники, это немалая скорость, – только тогда наступили морозы, которые действительно французскую армию доконали. Это правда. Но начала-то она бежать на Запад значительно раньше, когда никаких морозов не было!

И второй фактор – пространство. Но помилуйте, от Ковно, где Наполеон перешел Неман, до Москвы около 900 километров. А от Парижа до Ковно – расстояние, которое перед этим должен был пройти Наполеон, – в два раза больше. Я понимаю, если бы еще Наполеон наступал, как Гитлер, по всему громадному фронту. Ничего подобного, наполеоновские войска двигались в узкой полосе, не превышавшей 150 километров. Так что говорить, будто французов погубило русское пространство, в котором они как бы затерялись, – это неверно. И, кстати, русская армия, которая дошла до Парижа, она вынуждена была пройти и до Ковно, и до Парижа, – еще в два раза большее расстояние. И почему-то никого это пространство совершенно не смутило.

Вик. К. В самом деле, достаточно этих трех крупнейших исторических событий, чтобы всерьез задуматься о необычной судьбе страны. К тому же вы в своей книге абсолютно правомерно подчеркиваете, что все эти попытки завоевания мира, то есть создания мощнейшей военной армады, связаны были с необыкновенной концентрацией направленных против России сил. В первую вместилась как бы вся энергия Азии, потому что, прежде чем прийти на Русь, монголы завоевали большую часть Азии – гигантский континент, а Наполеон и Гитлер сумели вобрать в свои армии энергию почти всей Европы. И тем не менее именно в России они потерпели крах!

Вад. К. С моей точки зрения, именно идеократическая сущность России обернулась такой великой силой. Видите, с одной стороны – необыкновенные взлеты, победы, с другой – столь же необыкновенной силы крушения и падения. Поэтому, когда я говорю об идеократичности России, я вовсе не ставлю вопрос: хорошо это или плохо? Это своеобразие России.

Я готов восхищаться упорядоченной, законной, законопослушной жизнью европейских стран – кстати, многие русские, попадая туда, восхищались и завидовали, и любовались ими, в особенности сейчас… И опять-таки можно восхищаться особой твердостью, прочностью этих самых азиатских обычаев, которые дают им огромные преимущества. Но тут ничего не поделаешь. Есть своеобразие нашей страны.

Вик. К. Появится в газете эта беседа – и сразу вполне предсказуемые отклики: ну опять «умом Россию не понять, аршином общим не измерить»…

Вад. К. Что же поделаешь, коли так оно и есть. Должен вам признаться, что я не разделяю не только западничества, но в равной мере и славянофильства. Поскольку славянофильство исходит из того, что вот существует европейская цивилизация как бы в двух своих руслах – романская и германская, и мы рядом с ними должны поставить славянскую цивилизацию. Но разве сегодня не очевидно, что та граница, которая проходит через западные пределы России, гораздо больше отделяет нас от западных славянских народов, чем связывает, допустим, единство происхождения? Они все-таки люди европейские.

Мне как-то пришлось – и я до сих пор с интересом и любопытством это вспоминаю – лет десять назад давать интервью чешскому и польскому изданиям почти одновременно. То есть через короткий промежуток времени разговаривал с польским и чешским журналистами. И вот я осмелился, хотя это, конечно, могло прозвучать как-то обидно, – но я сказал, что перед вашими странами стоит вечный такой выбор: кем вы хотите быть – передним крыльцом России или задним двором Европы? И, вы знаете, оба собеседника мои в конце концов признались, что да, они хотят быть задворками Европы, а не передним крыльцом России. Они это больше ценят.

Я стою, как вы, вероятно, поняли, на евразийской точке зрения. То есть я понимаю Россию как Евразию, которая представляет собой субконтинент, в какой-то степени соединяющий европейские и азиатские черты. Но это, конечно, слишком упрощенное, слишком примитивное толкование. Евразийство – это вовсе не европейское плюс азиатское, это третий феномен, который выработался на почве и того, и другого, но стал совершенно особенной реальностью, которую уже никак нельзя разделить на европейское и азиатское.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.